

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СВОБОДА ПЕЧАТИ

Свобода печати провозглашалась в той или иной форме всеми европейскими революциями нового времени, и тем не менее нет картины более сложной и противоречивой, чем процесс осуществления этого принципа в ходе революции. Рождая беспрецедентную свободу печати, революция затем неминуемо отказывается от нее и вводит цензуру, небывалую для «старого режима». В результате свободе печатного слова наносится такой удар, от которого она не может оправиться и после окончания периода революционной диктатуры. Постреволюционные, в особенности «цезарианские», «бонапартистские», режимы умело используют эту обессилевшую, низведенную до рептильного состояния прессу в роли проводника своей политики, восхвалителя всех начинаний государственной власти. Провозглашенная революцией свобода печати приходит лишь с падением вышедших из гражданской войны авторитарных режимов. С особой четкостью данный процесс выявил себя во время Великой французской революции, где с 1789 года политическое развитие проходило в своих классических формах.

Само понятие «свобода печати», как и вообще политическая журналистика, появилось во Франции вместе с революцией. Когда перед лицом надвигавшейся экономической катастрофы король Людовик XVI был вынужден объявить о созыве Генеральных штатов — а постановление Государственного совета от 8 июля 1788 года призвало «всех ученых и просвещенных людей» высказаться по этому поводу, — Парижский парламент, высшая судебная инстанция страны, в постановлении от 5 декабря 1788 года потребовал свободы печати «как единственной гарантии всех прав».

Несмотря на то, что первая французская газета была основана Теофрастом Рендо еще в 1631 году, во Франции XVIII века газеты

влачили довольно жалкое существование. Не установился или, во всяком случае, был довольно далек от современного сам тип этого издания. Вольтер определил его как «сообщение о государственных и общественных делах», но в действительности читателю предлагалось несколько разнородных фактов из области административной деятельности, сообщения о книжных новинках, отчеты о выставках и спектаклях, светская и придворная хроника. Отношение к периодическим изданиям со стороны властителей умов того времени было самым пренебрежительным; устами Руссо им отводилась роль пустого развлечения для праздных людей: «Что такое периодическое издание? Эфемерное, лишенное всяких достоинств, не приносящее пользы произведение, чтением которого пренебрегают серьезно образованные люди и назначение которого тешить тщеславие глупцов и женщин, ничему их не научая».

Когда просветителям требовалось провести политическую кампанию, они прибегали, подобно Вольтеру, выступившему в защиту Каласа и Де ла Барра, к памфлету и к письмам, перечитывавшимся и обсуждавшимся в кругу единомышленников и в литературных салонах; до широких слоев населения эти обращения, естественно, не доходили.

Несмотря на большую активность общественно-политической мысли, в предреволюционной Франции регулярно выходило всего три газеты — «Газета Франции» («Газетт де Франс»), основанная еще Ренодо, «Французский Меркурий» («Меркюр де Франс»), которую начал выпускать в 1672 году Донно де Визе, и «Парижская газета» («Журналь де Пари»), первая французская ежедневная газета, увидевшая свет в 1777 году. Из них политических вопросов, и то лишь отчасти, в порядке конкуренции с двумя старейшими изданиями, касалась одна только «Журналь де Пари». В целом же политика была отдана на откуп или

слухам, или брошюрам и памфлетам тайных отечественных типографий и издателей Лондона, Женевы и Амстердама.

Положение резко изменилось в 1789 году. Поначалу, как бы в ответ на призыв Государственного совета ко «всем ученым и просвещенным людям» выразить свои пожелания правительству в связи с созывом Генеральных штатов, на страну буквально обрушилась волна различных речей, брошюр, всевозможных изданий, обращенных не к хранителю государственной печати, как это было предусмотрено, а к общественному мнению: советы в них подавались не королевской власти, а всей нации в целом. Это был подготовительный этап свободы печати, когда гласность делала свои первые шаги и осуществляла себя «явочным» порядком. В 1788—1789 годах, вплоть до открытия Генеральных штатов, памфлеты выполняли роль отсутствующих оппозиционных политических газет: в них призывалось к уничтожению привилегий дворянства и духовенства, равномерному налогообложению, сокращению расходов двора, ликвидации феодальных повинностей, финансовой, экономической и правовой реформам, созданию ответственного правительства. Напуганные потоком этой пропагандистской литературы, король и премьер-министр Неккер пытались остановить его течение, но из этого ничего не вышло: грубые полицейские меры вызвали всеобщее возмущение, и правительство вынуждено было отступить.

По мере приближения даты открытия Генеральных штатов вождям третьего сословия становилась все более очевидной задача создания новой массовой формы общественной агитации. Время не только салонного обсуждения политических вопросов, но и обращенных к более или менее просвещенной публике брошюр и памфлетов уходило в прошлое. Необходим был новый тип печатного издания, с частой периодичностью, ориентированный на самую широкую, просто грамотную публику, держащий ее в курсе политических событий, освещающий их в нужном

для издателя свете, подводящий читателя к нужным для издателя выводам. Этим типом издания стала политическая газета, рожденная приближавшимися революционными событиями.

Первая попытка в этом направлении принадлежала журналисту Бриссо де Варвилю, в будущем одному из видных деятелей жирондистской партии. 16 марта 1789 года он издал проспект газеты «Французский патриот», которую намеревался выпускать два раза в неделю; за этим проспектом последовал 1 апреля более развернутый второй с весьма красноречивым эпиграфом: «Свободная газета — это часовой на страже интересов народа».

Бриссо, пожалуй, первым сформулировал роль газеты как средства политического воздействия на массы, как способа воспитания их в определенном политическом направлении. «Газета, — писал он, — это единственный способ просвещения многочисленной, стесненной в развитии своем, не привыкшей к чтению нации, стремящейся выйти из состояния невежества и рабства...»

Проспект, в котором, в частности, обещалось держать читателей газеты в курсе событий «нынешней революции» (любопытно отметить, что термин употреблен за четыре месяца до взятия Бастилии по отношению к процессу, начатому по инициативе, хотя и вынужденной, верховной власти), вызвал смятение в правящих кругах. Управление по печати запретило распространение как проспекта, так и газеты на том основании, что на их издание не было «ни испрашено, ни выдано какого-либо разрешения». Тем не менее до открытия Генеральных штатов Бриссо удалось выпустить один номер «Французского патриота». Впоследствии в своих записках он объяснял его первоначальное запрещение происками газет, имевших королевскую привилегию (разрешение), в частности, доносом, исходившим от «Журналь де Пари», а прекращение издания после первого номера — цензурными рогатками. Поскольку в момент

прекращения «Французского патриота» уже заседали Генеральные штаты, Бриссо обратился к ним со специальной памятной запиской, в которой, по его словам, «отмечал скандальные цензурные злоупотребления и доказывал необходимость объявить полную свободу печати».

У нас нет свидетельств прямой реакции Генеральных штатов и их преемника Национального собрания на памятную записку в виде принятия особого положения или закона о печати. Свобода печати была осуществлена самой жизнью в ходе развития революции и затем закреплена лишь в самых общих чертах как свобода слова в статье XI «Декларации прав человека и гражданина».

2 мая 1789 года, за три дня до открытия Генеральных штатов, специально выпущенный проспект объявил о предстоящем выходе газеты «Генеральные штаты». Издателем ее стал депутат третьего сословия от Прованса граф Мирабо, находившийся тогда в апогее своей популярности. Газета должна была выходить три раза в неделю, по вторникам, четвергам и субботам, и состоять из трех частей — отчета о заседаниях штатов, краткого обзора наиболее интересных сочинений по современным вопросам и сообщений с мест, адресованных издателю. Дерзкий тон первых двух номеров газеты, от 5 и 6 мая, встревожил правительство, и издание было немедленно запрещено как вышедшее без разрешения, а также «предосудительное как по форме, так и по содержанию». Тогда Мирабо решил воспользоваться своей депутатской неприкосновенностью и под предлогом необходимости постоянного общения с избирателями возобновил газету под названием «Письма графа Мирабо к своим избирателям». На этот раз власть была не в силах помешать изданию, и затем, когда уже отпала необходимость в защитной маскировке, оно приняло с 20-го номера наименование «Курьер Прованса» (всего было издано 350 номеров газеты).

Пример Мирабо не остался без подражания. В частности, 29 августа 1789 года адвокат Готье де Биоза, депутат третьего сословия от Оверни, основал «Газету дебатов и постановлений». Будучи поначалу небольшим утренним листком, сообщавшим избирателям о ходе работы Национального собрания, это издание стало впоследствии могущественной «Газетой дебатов» («Журналь де деба»).

Таким образом, можно считать, что ежедневная и выходящая два-три раза в неделю французская пресса родилась из общественного интереса к событиям революции и стремления депутатов информировать своих избирателей о них под определенным углом зрения.

Падение Бастилии и принятие 26 августа 1789 года «Декларации прав человека и гражданина» открыло во Франции путь практически любым публикациям. Свобода печати отныне — впервые в истории — становится правовым понятием. Статья XI Декларации провозглашала: «Свободная передача мыслей и мнений является одним из самых драгоценных прав человека. Поэтому каждый гражданин обладает свободой слова, письма, печати, отвечая только за злоупотребление этой свободой в случаях, предусмотренных законом». Неудивительно, что к концу 1789 года в Париже насчитывалось уже более 140 газет; все они были связаны с политическими партиями, подчинены злобе дня, по большей части неумеренны в выражениях и неразборчивы в средствах воздействия на общественное мнение. Один из современников имел все основания писать: «Сегодня газетчики взяли на себя роль прокурорского надзора; они разоблачают, постановляют, руководят, как никогда; им дано разрешать и запрещать. Изю дня в день они ораторствуют, и встречаются среди них громовые глотки, заставляющие слышать себя в восьмидесяти трех департаментах. Плата, чтобы послушать оратора, всего два су. Каждое утро газеты сыплются на нас как манна небесная...» И действительно, читатель был буквально погребен под извержением

ежемесячных, еженедельных, ежедневных листков самой различной политической направленности — от роялистской до эгалитаристской и самой различной тональности — от элегической до площадной, фарсово-сатирической. Каждое из этих изданий стремилось любыми средствами завоевать читателя, не чуждаясь ни ядовитых намеков, ни прямых оскорблений, прибегая к передержкам, а подчас и к клевете, заигрывая с аудиторией, а иногда и прямо льстя ей. Если газеты не покупали, их раздавали бесплатно, если их не брали даром, то их расклеивали на стенах, как это делал жирондист Луве со своим «Часовым».

В целом французская печать с начала революции и до упразднения монархии 10 августа 1792 года дает весьма широкий спектр политических убеждений. Это время первого расцвета свободы печати с присущим ему идеологическим плюрализмом. В прессе представлены приверженцы всех партий, всех мнений. Сторонники старого режима не составляют в этом смысле исключения. Так, защитники королевской власти основали в ноябре 1789 года газету «Деяния апостолов», в которой Ривароль преследовал своими насмешками «апостолов» революции, издевался над Национальным собранием, «этой смрадной шайкой адвокатов», но, случалось, не щадил даже особу самого короля. Не уступала «Деяниям апостолов» в ненависти к революции газета «Друг короля французов», начавшая выходить 1 июня 1790 года, хотя политическая агитация велась в ней на более серьезном уровне. Общим для обеих газет были постоянные призывы к государственному перевороту, требования голов шестисот главных революционеров и конфискации их имущества, советы армиям контрреволюционной коалиции относительно путей наилучшего проникновения во Францию.

Органом жирондистов была газета «Французский патриот», издаваемая Бриссо. После неудачной попытки, предпринятой весной, Бриссо возобновил ее выпуск 28 июля 1789 года. Плодовитый публицист, дважды

заклучавшийся при старом режиме в Бастилию, побывавший в Англии и в Соединенных Штатах, Бриссо склонялся к республиканизму на самом раннем этапе революции, а это было тогда еще довольно редким явлением. «Французский патриот» активно нападал на «партию двора» и старые учреждения, что сразу принесло ему большую известность. После бегства короля в Варенн и его возвращения в Париж, когда летом 1791 года дебатировалось упразднение монархии, Бриссо во «Французском патриоте» одним из первых выдвинул идею республики. Как это ни странно, против него выступил Робеспьер, заявивший, что своим лозунгом Бриссо «вносит раскол в среду патриотов, подает подлинных друзей свободы как бунтовщиков и, возможно, заставляет отступить революцию на полвека назад». С легкой руки Робеспьера обвинения в преждевременности, а то и провокационности политических лозунгов Бриссо стали постоянной темой якобинских нападков на этого деятеля Жиронды (К. Демулен объявил несвоевременным требование освобождения негров в колониях, а Фукье-Тенвиль в своей прокурорской речи на процессе жирондистов утверждал, что призыв Бриссо к установлению республики имел целью вызвать избиение патриотов; соответственно, то отвергался, то брался на вооружение, в зависимости от обстоятельств, жирондистский призыв к «революционной войне», и, как можно судить по вышедшей в 1988 году книжке Е. Б. Черняка «Вековые конфликты», полемика по этому вопросу не утратила своей актуальности и по сей день).

Став в 1792 году депутатом Конвента, Бриссо постепенно отошел от редактирования «Французского патриота» и передал его своему последователю и сотруднику Жире-Дюпре. Для газеты и в целом для жирондистской партии, вступившей в это время в заключительную фазу своей борьбы с якобинцами за власть, это было весомой потерей:

остроумный и резкий Жире-Дюпре уступал Бриссо в ведении ежедневной политической полемики.

«Французский патриот» издавался вплоть до падения жирондистов; последний, 1388-й, номер газеты вышел в свет 2 июня 1793 года. Вначале «Французский патриот» ограничивался почти только изложением прений в Национальном собрании, хотя был далек от сухого протоколизма и широко прибегал к разбору и оценке дебатов. Затем в газете стали появляться статьи на различные общественно-политические темы. Среди сотрудников «Французского патриота» были крупные политические деятели, философы, публицисты — Петион, Грегуар, Кондорсе, Т. Пейн, г-жа Ролан и другие.

Кроме «Французского патриота» с жирондистской партией были связаны также газеты «Парижская хроника» с довольно разнообразными рубриками — от литературного фельетона и театральной критики до курса государственных ценных бумаг — и «Месячная хроника», основанная видным ученым и философом Кондорсе.

Один из главных противников жирондистов, Робеспьер, основал в мае 1792 года газету «Защита конституции». В первом номере этого издания заявлялось о необходимости защищать «принципы равенства и священные права, предоставленные народу конституцией». Пользуясь уже в это время большим влиянием на Якобинский клуб, Робеспьер вел на страницах своей газеты кампанию в пользу всеобщего избирательного права, надеясь, что этот лозунг привлечет на сторону якобинцев широкие народные массы. Близкого к органу Робеспьера направления придерживались «Газета якобинцев» и «Газета друзей конституции», которую издавал автор знаменитых «Опасных связей» Шодерло де Лакло. Несмотря на полную якобинскую ортодоксию, эти газеты в силу своего доктринерства и педантства не имели в народе и малой степени той

популярности, которую с самого начала революции завоевали издания Ж.-П. Марата, К. Демулена и Ж.-Р. Эбера.

Одной из самых неистовых, гневных, непримиримых к противникам газет революции была газета Марата «Друг народа», начавшая выходить под названием «Парижский публицист» 12 сентября 1789 года. С первых же номеров Марат повел яростную атаку на королевский двор, министров, большую часть Национального собрания, парижский муниципалитет, национальную гвардию. Выступая от имени городского и сельского плебса, Марат ратовал за дальнейшее углубление революционного процесса. Особую ненависть вызывал в нем начальник национальной гвардии Лафайет, которого он называл изменником, подлецом, плутом, ловким хамелеоном, раболепным лакеем, убийцей.

Уже с 1790 года Марат стал призывать в «Друге народа» к революционному террору. Так, в номере от 17 декабря 1790 года он писал: «Год тому назад достаточно было бы снести пять или шесть сотен голов, чтобы навсегда сделать вас свободными и счастливыми. Сегодня потребовалось бы десять тысяч. Через несколько месяцев вы, возможно, снесете сто тысяч, и чудесно: мира у вас не будет, если вы до конца не выкорчуете заклятых врагов родины». На следующий день, 18 декабря, следовали призывы в том же духе: «Перестаньте терять время на раздумья о средствах защиты. У вас есть всего одно — то, которое я вам столько раз рекомендовал: всеобщее восстание и народные казни. Даже если понадобится снести двадцать тысяч голов, не следует колебаться ни мгновения».

С лета 1792 года основным объектом инвектив Марата становятся жирондисты. После начала военных действий между Францией и контрреволюционной коалицией «Друг народа» сосредоточивает огонь своих разоблачений также на деятельности французских военачальников, которых он обвиняет в измене, намеренных поражениях и истреблении

своих войск руками противника. В одной из статей Марат убеждал войска в необходимости расправы с командирами, которые, по его словам, «ведут их на бойню».

В своей газетной практике Марат часто возвращался к одной и той же теме, рассчитывая на ее лучшее усвоение читателем путем повторения. Однако содержание «Друга народа» не исчерпывалось только постоянной пристрастной критикой политических противников или яростными агитационными призывами; в газете Марата было и немало «спокойных», даже рассудительных статей.

Кроме «Друга народа» левая французская пресса начального этапа развития революции была представлена газетой К. Демулена «Революции Франции и Брабанта», издававшейся с 28 ноября 1789 по июль 1791 года (всего вышло 86 номеров). Даже по понятиям того времени это издание мало походило на газету и было, в сущности, периодическим памфлетом, направленным против двора и правых членов Национального собрания. Весьма язвительный и нередко грубый в насмешках, Демулен заметно уступал Марату в постановке общих вопросов, сводя свою полемику к «личностям».

Одной из наиболее содержательных газет периода революции была газета «Парижские революции», выходившая с июля 1789 по 28 февраля 1794 года. Газета была еженедельной, представляла собой брошюру в 8-ю долю листа из 48 страниц, напечатанную весьма компактно и убористо. «Парижские революции» имели громадный по тем временам успех: тираж некоторых номеров достигал 200000 экземпляров. Кроме отчетов о заседаниях Национального собрания и последних известий газета помещала основательные статьи по всем актуальным вопросам; много внимания уделялось в ней чисто парижским обстоятельствам. Издавал «Парижские революции» типографщик Прюдом, но подлинным вдохновителем ее, редактором и автором большинства статей был

радикальный публицист Элизе Лустало, уже осенью 1789 года выступивший против «новой аристократии богачей», а в начале 1790-го заговоривший о праве «каждого бедняка потребовать для себя клочка земли и хижины». После преждевременной смерти Лустало в 1790 году и прихода в газету А. Шомета она постепенно превратилась в орган монтаньяров-якобинцев, что окончательно обозначилось после падения монархии, когда Шомет стал прокурором Парижской коммуны. Это не помешало «Парижским революциям» сохранять большую степень объективности в освещении событий. Один из первых историков французской прессы Э. Атен имел все основания писать в середине XIX века, что газета дает «наиболее полную, точную и беспристрастную картину столичных волнений в первые, самые драматические годы революции» (подразумеваются 1789—1794 гг.).

Особое место среди левой французской периодики занимала газета «Папаша Дюшен», издававшаяся Ж.-Р. Эбером с конца 1790 года. Освещение событий, агитация и пропаганда велись в ней от лица папаша Дюшена, насмешника и говоруна, ставшего излюбленным типом массовой, лубочной литературы еще до революции, в конце 80-х годов. Газета изобиловала площадными шутками, жаргонизмами, площадными ругательствами, что немало способствовало ее успеху в плебейской среде.

Панорама политической прессы 1789—1792 годов была бы неполной, если не упомянуть кроме роялистских и разного толка республиканских газет такие органы конституционалистов, как «Французский Меркурий», «Газета Общества 1789 года» и особенно «Регулятор», в котором сотрудничали видные литераторы Мармонтель, Лагарп, Шамфор, Андре Шенье. И наконец, почти с самого начала революции заявила о себе газета, в силу своей угодливости и приспособляемости выступавшая то полуофициальным, то официальным органом всех правящих режимов вплоть до 1869 года: ею стал «Всеобщий вожатый» («Монитёр

юниверсель»)), первый номер которого был выпущен издателем Ж. Панкуком 24 ноября 1789 года.

Падение монархии 10 августа 1792 года привело к резкой поляризации сил французской прессы, и это было началом конца для свободы печати. 12 августа генеральный совет Парижской коммуны постановляет: «Пусть отравители общественного мнения... будут подвергнуты тюремному заключению, а их станки, литеры и инструмент переданы издателям-патриотам». Пришел роковой момент, который в любой революции, при любом общественном строе наступает тогда, когда запрещается тот или иной орган печати или группа органов. Раз начавшись, процесс этот уже не может остановиться. Пока со сцены общественной жизни были устранены роялистские газеты; правда, отдельным из них удавалось еще некоторое время выходить в условиях подполья, и во время процесса Людовика XVI «Утренний листок» вел кампанию в пользу короля, а после его казни в январе 1793 года взывал к отмщению. Закрытие роялистских газет явилось одним из предвестников террора, первой вспышкой которого были «сентябрьские убийства» 1792 года — расправы над «бывшими» в парижских тюрьмах.

Борьба за власть между группировками победивших республиканцев проходила в условиях сужения диапазона свободы печати и спектра допустимых мнений. Основная схватка в прессе за общественное мнение по вопросу дальнейшего развития революции с осени 1792-го завязалась между умеренными — жирондистами и крайними — монтаньярами (якобинцами). Главными газетами жирондистов были «Французский патриот» Бриссо, «Курьер» Горса́, «Патриотические и литературные анналы» Карра́, «Часовой» Луве, «Газета друзей» Фоше. Этим издателям противостояли «Друг народа» Марата, «Газета Горы» Ш. Лаво и Т. Руссо, «Антибриссотинец», «Антифедералист» и другие. Неистовость газетной полемики соответствовала накалу политической борьбы, закончившейся

победой якобинцев. За устранением жирондистов от власти в результате восстания 31 мая — 2 июня 1793 года последовало закрытие их газет.

Едва закончилась борьба между жирондистами и монтаньярами, как в рядах победителей обозначилось два течения — одно крайне левое, представленное Эбером, Шометом, Клоотсом, приверженцами эгалитаризма и атеизма, другое — умеренное, главными фигурами которого были Дантон, К. Демулен, Фабр д'Эглантин и другие. Комитет общественного спасения, фактически якобинское правительство, до поры до времени держался в стороне от этой борьбы, намереваясь поочередно устранить обе группы. Оба крыла монтаньяров активно выражают свои взгляды в газетах; так, Эбер и Шомет в «Папаше Дюшене» и «Парижских революциях» яро ополчались не только против спекулянтов, но и против торговцев вообще, призывали к увеличению заработной платы рабочим; со своей стороны, Камиль Демулен, выпускавший зимой 1793—1794 годов газету «Старый кордельер» (вышло шесть номеров), подвергал в ней критике политику Комитета общественного спасения. За устранением весной 1794 года робеспьеристами с политической арены обеих групп последовало прекращение их изданий.

В целом время якобинской диктатуры знаменовало отказ от принципа свободы печати. 17 сентября 1793 года Конвент без обсуждения принял «Закон о подозрительных». Революция вступила в свою завершающую фазу: террор, направленный раньше против роялистов и эмигрантов, обращался теперь против всех, кто не разделял взглядов Горы. Согласно «Закону о подозрительных» «писания» контрреволюционеров (то есть противников якобинцев) карались смертной казнью. Так 12 июля 1794 года на эшафоте погиб вместе со своей женой журналист Рок Маркандье, бывший в прошлом одним из самых активных членов клуба кордельеров. Потрясенный сентябрьскими убийствами 1792 года, Маркандье порвал со своими единомышленниками и 10 мая 1793 года стал издавать газету

«Подлинный Друг народа», в которой уже после падения жирондистов называл Робеспьера «лисой», «тартюфом» и даже «якобинским королем».

В результате репрессивных мер во время якобинской диктатуры свобода печати оказалась на несравненно более низком уровне, чем до начала революции. переворот 9 термидора (27 июля) 1794 года и установившийся с 1795 года режим Директории не привели к подлинному оживлению политической прессы. Понимая, что «журналисты полновластно руководят общественным мнением», как выразился один из членов Директории, правительство поспешило, с одной стороны, с помощью особого закона поставить печать под наблюдение полиции, с другой, благодаря субсидиям сделать небольшое количество газет проводниками своей политики, что с еще большей последовательностью осуществил затем Бонапарт, истребивший всякий дух независимости во французской прессе.

Таким образом, провозгласив принцип свободы печати, Великая французская революция в ходе своего развития смогла реализовать его только на очень небольшом временном отрезке. Углубление революционного процесса привело к диктатуре, неизбежно вызвавшей ликвидацию свободы печати. Поэтому якобинский террор имел своим неизбежным духовным последствием общественный индифферентизм, подготовивший сначала коррумпированный режим Директории, а затем милитаристскую диктатуру Наполеона. В сущности, революция только поставила на повестку дня вопрос о свободе печати, как и вопрос о свободе личности. Практически решать эти проблемы предстояло послереволюционной эпохе.